

А. Г. Лисицын-Светланов¹**КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РАЗВИТИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Для позиционирования права в системе общественных ценностей возможно использование следующего определения: «Право есть отражение существующих философских воззрений, морально-нравственных устоев и культурных традиций общества». При безусловной самостоятельности приведенных категорий, с одной стороны, и их органичного взаимодействия — с другой, право обладает двумя особенностями. Во-первых, в отличие от философских воззрений, морально-нравственных устоев и культурных традиций право возникает как продукт государственной воли и придает воззрениям, устоям и традициям различную степень императивности. Во-вторых, указанные категории могут распространяться по миру свободно или навязываться насильственно, то есть существовать вне государственной воли, в то время как право изначально возникает в пределах конкретной суверенной власти и определенной территории и легитимно распространяется по миру исключительно посредством согласования воли суверенов, формируя международное право.

Возникнув как отражение существующих воззрений, устоев и традиций, право приобретает четкие формы и начинает действовать не только через правоуполномоченных людей, но и через систему государственного и международного правоприменения. Формирование и действие права дает импульс обратному процессу — воздействию самого права на воззрения, устои и традиции общества.

Все эти взаимосвязанные процессы формируют философию права и правовую культуру.

Взаимодействие права и культуры представляет собой динамичный процесс. Исторический опыт каждого государства демонстрирует циклы развития фундаментальных институтов права и культурных традиций во всех их проявлениях. Относительным исключением из этого правила стало иудейское право — Галаха. В настоящее время обращение к ее нормам или отказ их применения практикуется как израильскими, так

и иностранными судами. Разрешение многих конфликтов основано на применении древних иудейских норм, получающих современное прочтение с помощью аналогии, обобщения и других методов².

Кардинально иная роль отведена в наши дни римскому праву. Утратив роль источника права, оно, как отмечает чешский юрист Милан Бартошек, трансформировалось в элемент философии частного права и рассматривается в качестве методологии построения кодифицированного законодательства. Примером такой трансформации может служить французский опыт³.

Тенденции развития права в любом государстве зависят от многих факторов. Это разнообразные исторические события — революции, войны, образование или распад союзов государств, а также природные и техногенные явления. Помимо этих факторов большое значение для развития права имеет объективное взаимодействие правовых систем, выступающее как непременное условие успеха разнообразных международных связей. Наконец, это результат определенных социальных трансформаций, связанных с развитием политических и экономических идей или религиозных убеждений.

Перечень приведенных факторов можно расширить или сократить, однако при этом вряд ли удастся создать универсальную матрицу, на основе которой можно было бы прогнозировать или конструировать модели правовой системы государства. Обоснованность такого заключения подтверждается многовековым опытом развития права в разных частях мира.

Правовые системы государств, относящихся к единой культурно-цивилизационной общности, имеют не только сходные черты, но и существенные различия. Результаты усилий по достижению единообразного регулирования весьма относительны. Не очень успешной оказалась даже такая форма создания единого правового регулирования, как рецепция частного права. Так, Гражданский кодекс Наполеона был воспринят Бельгией, швейцарский Закон об обязательствах был реципирован Турцией, однако практика применения этих нормативных актов в каждой из стран имеет свои особенности⁴.

В сфере публичного права примечателен исторический опыт Японии. После Второй мировой войны конституция этой страны создавалась под влиянием США, но было бы преувеличением утверждать, что именно американские идеи, заложенные в Основном законе Японии, доминировали при последующем формировании отраслевого законодательства и развитии правоприменительной практики.

² Каневский А. А. Место Галахи (иудейского права) в национальных правовых системах. М., 2016. С. 18–40.

³ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 8–9.

⁴ Лисицын-Светланов А. Г. Взаимодействие национальных правовых систем международного частного права // Современное международное частное право в России и Евросоюзе. М., 2013. Кн. 1. С. 71.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Международный гражданский процесс: современные тенденции»; статей «Применение закона РФ “О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ”: судебная перспектива», «Современные тенденции развития законодательства об интеллектуальной собственности», «Развитие российского и международного права в аспекте его влияния на обеспечение национальных интересов Российской Федерации», «Личность и уважение к закону: проблемы и новые реалии», «Роль права в диалоге культур», «Современное международное частное право в регулировании международного оборота», «Взаимодействие национальных систем международного частного права», «Национальное право в условиях глобализации», «Белые пятна в современном международном праве» и др. Член редакционных советов журналов «Государство и право» и «Труды Института государства и права». Член бюро ООН РАН, Научно-консультативного совета Комитета по науке и образованию Совета Федерации Федерального собрания РФ, Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия), преподобного Сергия Радонежского (РПЦ).

Не менее интересен и отечественный опыт реформирования частного права. В начале 1990-х годов при создании нового Гражданского кодекса, приемлемого для регулирования в условиях рыночной экономики, российский законодатель использовал голландские источники, в частности новый кодекс Нидерландов. Это касалось вопросов структуры Кодекса, некоторых дефиниций и терминов. Однако было бы ошибкой считать Гражданский кодекс РФ копией голландского кодекса. Более того, принятые затем дополнения и поправки к российскому Гражданскому кодексу основывались уже не на голландском, а на российском опыте судебной практики.

Что же оказывает влияние на «отклонение» от выбранной законодателем иностранной модели правового регулирования и формирование собственного толкования заимствованных правовых норм? Среди совокупности факторов следует выделить национально-культурные особенности, присущие населению каждой страны. «Культура, — отмечал академик Д. С. Лихачев, — понятие сложное, многослойное. Культура пронизывает все стороны жизни страны: это и поведение на улице, и система хранения и изучения культурных ценностей, и отношение к наукам, особенно фундаментальным, и уровень телевизионных передач, и, конечно, литература и искусство»¹. Перечень этих сторон жизни можно продолжить, включив в него и право, и складывающиеся в обществе правоотношения. Было бы наивно искать простого гражданина или облеченного властью лица, которые были бы свободны от тех культурных традиций, в которых они выросли. Более того, само право любой страны содержит особые институты, называемые «публичный порядок» и «основы морали и нравственности», понимаемые каждым государством индивидуально. Многообразие жизненных ситуаций, с которыми сталкивается судебная практика, породило во всех правовых системах новый институт «судейское усмотрение». Суть этого института заключается в том, что за судом, точнее, за судьей закрепляется право и обязанность выносить решения, в основе которых лежат его личные представления, личные ценности, сформированные в той национально-культурной среде, частью которой он является.

Ярким примером влияния культурных традиций на право в России и за рубежом является современная ситуация с корпоративным правом. Одной из основных целей регулирования корпоративных отношений является определение организационно-правовых форм предприятия и регулирования отношений между его участниками. Это своего рода кодекс поведения предпринимателей в определенном деловом сообществе. Казалось бы, в условиях интернационализации хозяйственных связей правила поведения предпринимателей должны быть унифицированными или максимально схожими. И действительно, юридическое сообщество работает в этом направлении. Появились соответствующие научные специальности, проводятся междуна-

родные конференции на корпоративную тематику, однако до достижения даже не универсальной, а хотя бы региональной гармонии еще далеко. Российское право в ходе реформы 1990-х годов не восприняло в полной мере ни одну из моделей стран Западной Европы.

Не менее интересная ситуация сложилась и в Европейском союзе. Логично было бы полагать, что построение единого сообщества целесообразно начинать с общего представления о статусе субъектов предпринимательской деятельности и правилах их поведения. Однако по прошествии многих лет ЕС так и не выработал единого корпоративного права. Не последнюю роль в этом играет фактор культуры предпринимательства, отличающий предпринимателя Гамбурга от предпринимателя Милана или Марселя.

Не стала результативной и интеграция в других сферах жизни. Несмотря на то, что национальная культура пронизывает все области бытия, а международное сотрудничество способствует взаимному проникновению национальных культур и правовых институтов, интеграция в области прав человека, в государственном строительстве, а также в правовых основах политической системы государства также далека от завершения.

В современном мире одной из наиболее острых проблем стало обеспечение прав человека. Эта проблема связана не только с политическими и социальными правами, но и с вопросами, лежащими в сфере религиозно-культурных ценностей. Невосприятие исламским миром, живущим в собственном цивилизационном коде, образа жизни западной цивилизации стало поводом для силового навязывания исламскому миру западных ценностей, западного понимания прав человека как единственно допустимых. Отклонение от этих стандартов в ряде случаев объявляется грубым нарушением норм международного права, допускающим применение несанкционированных мер.

Международная практика в ее исторической ретроспективе богата и другими — позитивными — примерами. Показательным представляется опыт взаимодействия иных цивилизационных систем. В этом плане наибольший интерес представляют Китай и Япония.

Китай, будучи на протяжении нескольких тысячелетий системообразующей цивилизацией, в 1949 году встал на рельсы коммунистической идеологии, оказавшей огромное влияние на культуру этой страны. Сначала правовая и культурная политика Китая ориентировалась на опыт СССР, однако в дальнейшем культурная революция по сути прервала правовое развитие страны. Тем не менее, в 1978 году начался поэтапный переход к политике реформ и построению социалистического правового государства с учетом китайских культурных традиций².

Япония с началом реставрации Мэйдзи (1868 г.) отказалась от политики абсолютного изоляционизма, начала позитивно относиться и даже воспринимать иностранную культуру, взаимодействовать с иностранны-

¹ Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб. : СПбГУП, 2015. С. 23.

² Ли Цзинцзе. Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо» // Международные научные Лихачевские чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб. : СПбГУП, 2015. С. 143–148 ; Троцкий П. В. Правовая система Китая. М., 2016. С. 14–15.

ми правовыми системами¹. Принцип разумного консерватизма, ассоциирующийся с японскими традициями, сохранялся все последующие периоды вплоть до наших дней, однако при этом, как отмечают исследователи, четко прослеживается ориентация на западные правовые модели. Анализируя оценки японских юристов, характеризующих процесс формирования японской модели права, профессор В. Н. Еремин солидаризируется с их точкой зрения: «Право является культурным продуктом исторического общества, и оно соответствует каждому из таких обществ»².

Сохранение традиционности японской культуры и правовое регулирование допустимого и недопустимого в искусстве можно проиллюстрировать на примере отношения к эротике. В Японии с 1907 года по настоящее время действует ст. 175 Уголовного кодекса, установившая запрет на производство и продажу любой порнографической продукции. Однако все вопросы, связанные с киноиндустрией, регулируют добровольные организации, самостоятельно решающие вопрос о разрешении или запрете показа определенных фильмов. Да и сами представления японцев о том, что является эротикой, а что порнографией, существенно отличаются от бытующих в той же Европе. Цивилизационные отличия Японии объясняются как многовековой изоляцией страны от остального мира, так и особенностями национального менталитета, сформировавшимися у японцев как мононации еще в древние времена под влиянием религиозных представлений, этнопсихологии и культурных традиций³. Эти особенности, связанные с поведением, самовыражением и внешним обликом, являются частью уникального культурного кода нации.

Внешность индивида традиционно является отражением национальных, религиозных, культурных традиций народа или этноса. Более того, внешний облик всегда сообщал о социальном статусе индивида. Эти обстоятельства оценивались правом как публично значимые и получали соответствующее закрепление в праве. Сегодня, когда во главу угла ставится свобода выбора человеком образа жизни, личная свобода, неприкосновенность частной жизни и тому подобное, возникают вопросы: как все эти права реализуются или могут реализоваться в повседневной жизни, как внешний облик индивида согласуется с национальными традициями нации с формой выражения ее национального кода⁴.

В условиях глобализации эта, казалось бы, обеспеченная правом сторона бытия обнаружила признаки кризиса. Изменения в этнической, национальной и культурной идентичности населения способны поставить вопрос об изменении национального законода-

тельства. Мир стал свидетелем того, как миграционные волны, накрывшие Западную и Центральную Европу, не только разрушают моральные устои толерантности, но и побуждают к принятию нормативного регулирования, предусматривающего дифференцированный подход к людям, образующим миграционные потоки.

Конфликтность, возникшая в европейском обществе из-за потока мигрантов, обусловлена не столько экономическими проблемами, сколько неготовностью местного населения принять представителей иной культуры с непривычным поведением. Практика показывает, что как организационные меры по возможной ассимиляции беженцев, так и правовые инструменты воздействия не являются достаточными для нормализации ситуации. Любая правовая система всегда проходит испытание правоприменением, где главная роль принадлежит человеку — носителю национальной, всегда самобытной культуры.

Приходится констатировать, что правовыми методами нельзя изменить национальную ментальность, основанную на религиозных и культурных ценностях. Возможно, в сложившейся ситуации центр тяжести в правовом регулировании должен находиться не столько в сфере социального обеспечения мигрантов с целью их адаптации и регулирования предоставления и утраты гражданства, сколько в определении допустимости миграции как таковой. Правовой базой для решения этих вопросов должна служить концепция прав мигрантов как предоставляемой привилегии, а не как естественного права.

Национальный культурный код объективно ограничивает возможность формирования международного права, но одновременно играет роль необходимого баланса в процессе согласования воли государств как основы международного права. Учет фундаментальных культурных ценностей каждой нации при всем их многообразии есть условие существования многополярного мира. Игнорирование этих ценностей порождает попытки претендентов на мировое господство или безусловное лидерство установить экономический, политический и военный диктат.

Отдавая должное действующим принципам взаимодействия национальной культуры и права, а также сложившемуся международному праву, необходимо видеть принципиально новые вызовы, обусловленные тем, что человечество расширило границы своего существования, вступив в киберпространство, где формируется своя культура. Эта культура, возможно, породит и новую философию права, и новые механизмы правового регулирования, изначально основанные уже не на национальных, а на наднациональных принципах.

¹ Еремин В. Н. Традиция в политике и праве Японии: взгляд из России // Япония-2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000. С. 39–55.

² Там же. С. 52.

³ Катасонова Е. Л. Заметки о японском кино: все оттенки розового // Японские исследования. 2016. № 3. С. 57–70 (www.ifes-gas.ru/js).

⁴ Подробнее см.: Шебанова Н. А. Модное право. М., 2018. С. 5–77.